Л. Леонтьев

„ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ“ И „ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ“

Краеугольным камнем современной реформистской идеологии начинает становиться своеобразная теория хозяйственной демократии, базирующаяся на представлении об организованном капитализме. Если не внутренняя глубина и теоретический интерес, представляемый этим учением, то во всяком случае его вредоносность должна заставить нас уделить известное внимание этому продукту идейного творчества современной социал-демократии.

I

Если по своим исходным установкам теория организованного капитализма и хозяйственной демократии восходит к весьма ранним истокам реформизма, то ее, так сказать, конкретное материальное содержание чрезвычайно тесно связано с современностью. Современный послевоенный капитализм — вот поле действий и вместе с тем место истока теории хозяйственной демократии. Эта теория базируется, прежде всего, на той оценке, которую современная социал-демократия дает нынешнему этапу в развитии капитализма.

Как оценивает современная социал-демократия нынешнюю фазу в развитии капитализма? — Примерно год тому назад, в августе 1928 г. в Брюсселе состоялся очередной конгресс II Интернационала. В литературе, появившейся в связи с этим конгрессом, в выступлениях виднейших вождей реформизма на самом конгрессе мы находим достаточно материала для ответа на этот вопрос.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с этой литературой, заключается в том, что реформистские идеологи стараются перещеголять друг друга, говоря о тех огромных хозяйственных победах, которые одержал капитализм за последние годы. Все в один голос уверяют, что в течение этих лет произошло полное восстановление капиталистического хозяйства, что полностью залечены те раны, которые капитализм получил в результате войны. Более того, реформисты считают, что за эти годы произошло невероятное усиление капиталистического хозяйства, что капитализм нашел в себе новые огромные источники силы, о которых раньше никто не думал.

Большинство реформистов при этом однако добавляет, что в сущности нынешний капитализм во многом отличается от капитализма довоенного, что последние годы показывают нам полный переворот в капиталистическом хозяйстве, глубочайшие изменения в этом капиталистическом хозяйстве, и эти изменения имеют огромное значение при определении всей тактики рабочего движения.

Приведем лишь несколько характерных в этом отношении примеров. Центральные органы германской и австрийской социал-демократии, берлинский «Форвертс» и венская «Арбайтерцайтунг», в специальных номерах откликнулись на открытие брюссельского конгресса. Если передовица «Форвертса» представляла собою бессодержательный набор избитых, главным образом, пацифистских фраз, то австро-марксисты и в данном случае обнаружили значительно более высокий теоретический уровень. В статьях венской социал-демократической газеты легко обнаружить определенную оценку нынешнего состояния капитализма, положенную в основу тактических политических выводов. В передовице этого органа заявляется: — «Темп развития капиталистического способа производства стал необычайно бурным. Новая промышленная революция — рационализация, новые источники энергии от водяной силы до разжижения угля, рост химической промышленности, индустриализации сельского хозяйства — будет в своих последствиях сопровождаться вряд ли меньшими потрясениями, чем ее предшественница сто лет тому назад. Конечно капитализм превозмог потрясения послевоенного времени, точно так же как ранний капитализм перенес удары наполеоновских войн и связанных с ними революционных изменений. Он стабилизовался на основе новых мощных производительных сил.»

В другой статье, носящей многообещающий заголовок «Под знаком хозяйственной революции» и красноречивый подзаголовок «Мирохозяйственные изменения», та же газета заявляет: — «Не может быть никаких сомнений, что волна рационализации с одной стороны, преодоление валютных колебаний с другой принесли чувствительное облегчение всему европейскому хозяйству.» И далее, пытаясь неудачно кокетничать с диалектикой, автор статьи повествует: «Рационализация представляет собою не что иное как техническое усовершенствование, которое так же старо, как само развитие капитализма, и колоссальные картели и тресты представляют собою не что иное, как форму концентрации, которая также рождается вместе с капитализмом. В данном случае однако количество, темп развития переходит в качество: хозяйственная революция последних лет заключается не в отдельных мероприятиях, которые проводятся крупными капиталистами, она заключается также не в тех или иных изобретениях, не в тех или иных организационных мероприятиях — нет, она состоит в том, что все эти явления, вместе взятые, начинают придавать капиталистическому хозяйству новое лицо.»

Вариациями на ту же тему заполнена и более «солидная» социал-демократическая литература, появившаяся к брюссельскому конгрессу. Ограничимся лишь рассмотрением специальных посвященных Брюсселю номеров теоретических ежемесячников германской социал-демократии — «Гезельшафт» и австрийский — «Кампф». В августовской книжке «Гезельшафт» за 1928 г. брюссельскому конгрессу посвящена передовица Г. Деккера — «Капитализм сегодняшнего дня». Мы еще будем иметь возможность ниже вернуться к содержанию этой статьи, весьма любопытной в определенном смысле. Здесь лишь заметим, что всемерное укрепление капитализма является для автора аксиомой, от которой он отправляется во всем своем изложении. Двойной номер венской «Кампф», посвященный Брюсселю, заполнен чрезвычайно разнообразным материалом, составленным, видимо, по излюбленному рецепту австро-марксизма: «Чего хочешь — того просишь». Читатель находит

под одной обложкой излияния всех направлений современного реформизма, начиная от правой «философии» истории К. Реннера, продолжая расслабленными «центристскими» рассуждениями О. Поллака и О. Бауэра и кончая ужасно-«левыми» фразами quasi-марксистских болтунов типа О. Ляйхтера. Однако гипноз капиталистической силы и мощи, беспредельная уверенность в укреплении и усилении капитализма — общи все направлениям и функциям этой «лоскутной» партии бывшей «лоскутной» империи.

Быть может, в наиболее грубой форме эта уверенность выступает у Реннера, который в своей статье «Мирохозяйственные основы социалистической политики после войны», перечисляя особенности нынешнего периода, на первом месте выставляет тезис об укреплении и увековечении капиталистического хозяйства: «Первый основной факт — пишет Реннер,— который должен быть подчеркнут, это — восстановление глубоко потрясенной войной и мирными договорами мировой системы капитализма. Ожидание русского социализма и его сторонников вне России, что окончание войны будет иметь своим непосредственным следствием мировую социальную революцию, оказалось обманутым. Правда, катастрофа внутренне потрясла весь мир и также внешне революционизировала его, однако эта революция осталась в первую очередь политической и буржуазной, несмотря на установление большевистской системы в России».

Наконец, те же мотивы звучали совершенно отчетливо на заседаниях брюссельского конгресса, где Отто Бауэр, например при обосновании принятого конгрессом торжественного манифеста, в своей не менее торжественной речи заявил: «Десять лет тому назад, когда под влиянием крушения империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов в массах разлилось революционное настроение, могло казаться, что пришел конец капиталистической системе, что капитализму не пережить этого послевоенного кризиса. Однако годы, прошедшие с тех пор, были переломными годами для капиталистического мира, и ныне все вынуждены признать, что капитализм пережил этот кризис. Сейчас, если мы и можем кое-где отвоевать позиции, то все же не можем не видеть, что те большие революционные процессы, которые имели тогда место, — сейчас закончены и капитализм вновь укрепился». И в другом месте той же речи О. Бауэр заявляет: «Десять лет тому назад, после крушения держав Центральной Европы, когда аппарат капитализма был полностью расстроен,— тогда могли быть наши споры с коммунистами о путях завоевания социализма: путем ли демократии, как это говорили мы, зная, что только в атмосфере свободы рабочий класс может найти в себе силы для построения нового общества, или путем диктатуры и насилия, как это думали коммунисты. Тогда между нами шел спор об оценке исторических перспектив, которые — та или другая — были одинаково в том хаосе возможны. Но теперь, когда сами большевики говорят о стабилизации капитализма, разве возможен еще сейчас спор о том, какая перспектива оказалась более верной?».

С этими рассуждениями реформисты выступают сплошь и рядом перед рабочими аудиториями.

Здесь прежде всего бросается в глаза, что Отто Бауэр, как и другие реформисты, совершенно «забывает» про ту чрезвычайно крупную роль, которую сыграла сама социал-демократия в деле стабилизации капитализма. Дело совсем не обстоит так, что на роду европейского

капитализма было написано, что после военных потрясений он должен окрепнуть и стабилизоваться. Никем эта возможность не была предначертана. Эта возможность была реализована лишь в процессе ожесточенной, чрезвычайно жестокой борьбы между авангардом рабочего класса западно-европейских стран и всеми силами капиталистического общества, в том числе и социал-демократическими партиями; а социал-демократические партии в этой борьбе всегда и повсюду выступали в защиту капиталистических государств, бросая свой вес на ту чашу весов, которая тянула в сторону капитализма. С другой стороны. О. Бауэр пытается здесь изобразить дело так, будто в настоящее время нет принципиальной почвы для разногласий между социал-демократией и коммунистами: раз и те и другие признают наличие капиталистической стабилизации, так — о чем, мол, спорить? Эта грубо мошенническая попытка смешать карты так ясна, что на ней не стоит останавливаться. Разве не очевидно, что наша оценка стабилизации капитализма как небо от земли отличается от социал-демокатической?

Итак, социал-демократическая характеристика современного этапа в историческом развитии капитализма схематически сводится к следующему. Послевоенный кризис капитализма закончился, и его последствия рассосались, примерно, так же, как в свое время последствия потрясений наполеоновского периода. В то же время послевоенные годы поставлены на одну доску с промышленным переворотом, имевшим место у колыбели современного капитализма, лет 100—150 тому назад. Подобно тому, как тогдашний промышленный переворот в Англии послужил исходным пунктом целой эпохи хозяйственного развития, точно так же современный технико-экономический переворот знаменует собою наступление новой фазы в развитии капитализма.

II.

Какова эта новая фаза, по мнению идеологов современного реформизма? Это — организованный капитализм, который приходит на место прежнего капитализма свободной конкуренции. Было бы нелегко, пожалуй, с точностью определить истоки реформистской теории организованного капитализма, являющегося, с одной стороны, следствием очерченной выше «оптимистической» оценки современного состояния капитализма, а с другой стороны,— предпосылкой теории хозяйственной демократии. Несомненно лишь то, что в этой своеобразной концепции соединяются довольно эклектическим образом обрывки различных теоретических построений. Следы довоенных буржуазных теорий империалистической экономики заметны здесь наряду с обильными позаимствованиями из кладезя идей так называемого «военного социализма»; цементирующим же веществом служат старые ревизионистские представления о государстве и его хозяйственной роли, о всеспасающем значении внеклассовой демократии, открывающей возможность уютного и мирного врастания в социализм. Теория организованного капитализма является таким образом идейным детищем Эд. Бернштейна, Шиппеля, Эдм. Фишера — с одной стороны, Дж. Гобсона и Г. Леви — с другой, и многочисленных апологетов «военного социализма», от Яффе и Пленге до Парвуса и Ленча — с третьей. В нынешний период капиталистической стабилизации идеи «организованного капитализма» были впервые в достаточно отчетливой и систематической форме прокламированы Р. Гильфердингом на с.-д. партейтаге

в Киле в 1927 г. в докладе, посвященном задачам социал-демократии в германской республике.

Основная истина, возвещенная в Киле миру прежним марксистом — автором «Финансового капитала», сводится к тому, что «организованный капитализм означает принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства». Вывод в сторону хозяйственной демократии, который непосредственно из этой принципиальной установки вытекает, гласит: «Проблема сейчас заключается в том, чтобы с помощью государства, с помощью сознательного общественного управления перестроить это организованное и управляемое капиталистами хозяйство в хозяйство, управляемое демократическим государством».

В литературе, посвященной брюссельскому конгрессу, идеи организованного капитализма занимают чрезвычайно видное место. В упомянутой выше передовице Деккера в «Гезельшафт», посвященной современному капитализму, мы встречаем даже попытку привести эти идеи в связи с прежней марксистской установкой. Эта связь устанавливается, разумеется таким путем, что от взглядов Маркса остаются лишь рожки да ножки. Деккер цитирует знаменитое место из марксова предисловия к «К критике политической экономии»: «На определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими отношениями производства». И вот это положение Маркса реформистский теоретик сопровождает следующим рассуждением: «Когда Маркс написал это предложение, он уже видел возникновение этого противоречия внутри капиталистической системы и ожидал от него конца „последней антагонистической формы общественного производственного процесса", то есть капитализма». Дальше начинаются рассуждения о том, что правильно у Маркса и что неправильно: «Кратко говоря, правильно было, что названное противоречие развивалось; неправильно, однако, было, что это противоречие представляет собою последний конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями. Растущие производительные силы впали в противоречие еще не с капиталистической формой производства вообще, но с определенной формой капитализма, именно — с капитализмом свободной конкуренции». Если прежде существовал капитализм свободной конкуренции и конкурентная борьба между капиталистами была основным законом общественного развития, то развитие производительных сил привело к тому, что дальше хозяйство развиваться на базе свободной конкуренции уже не может. И сейчас на месте свободной конкуренции выдвигается совершенно новый организационный принцип, именно, принцип организованного капитализма. И заключает Деккер это рассуждение таким образом: «Свободный капитализм был поставлен перед альтернативой: организация или смерть»! — Естественно, что свободный капитализм выбрал не смерть, а организацию..

Еще в другом месте Деккер пытается свои насквозь ревизионистские и оппортунистические рассуждения прикрыть ссылкой на авторитет Маркса. Это его рассуждение заслуживает самого пристального внимания с нашей стороны. Говоря о направлении хозяйственного развития, по которому продвигались передовые страны мира еще в довоенную эпоху, Деккер пытается уверить читателя, будто духовным отцом

реформистской теории организованного капитализма является не кто иной как... Маркс. Именно Маркс, по уверению Деккера, во втором и некоторых местах третьего томов «Капитала» обосновал «необходимость организации капитализма внутри национальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме».

Совершенно ясно, что такое представление всего более напоминает злую карикатуру на марксизм. Маркс вскрыл острым ланцетом свой теории присущее капитализму коренное противоречие между развитием производительных сил и системой общественных производственных отношений. Маркс показал, как вызванные капитализмом к жизни могучие производительные силы начинают задыхаться в оковах анархического антагонистического строя капитализма. Маркс доказал, что это коренное противоречие может быть разрешено лишь революцией, уничтожающей один из элементов этого противоречия — экономическую структуру капитализма. В рамках капитализма происходит не механическое вытеснение и замена общественного разделения труда техническим, а одновременный гигантский рост как того, так и другого. Маркс подчеркивает: «Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше». Совершенно ясно, что такая постановка вопроса как небо от земли отличается от современной реформистской утопии организованного капитализма.

Теперь спрашивается, в чем заключается этот организованный капитализм по мнению социал-демократических теоретиков? Тот же Деккер оговаривается, что переход от свободного капитализма к организованному является результатом не сознательной целеустремленной политики, а скорее стихийного процесса приспособления отдельных капиталистических предприятий к изменившимся условиям конкурентной борьбы. В этой борьбе крупные организации капитала начинают ставить своей целью не столько уничтожение своих противников, сколько их подчинение и использование в своих целях. Картели ведут борьбу с «дикими» за их включение в общий фронт. Тресты стремятся в той или иной форме поглотить своих конкурентов. Протекционистская политика также способствует процессу организации капитализма в национальных рамках. Все эти тенденции действовали и в довоенное время; однако в послевоенные годы они стали значительно интенсивнее выступать наружу.

Новоявленный теоретик-экономист II Интернационала, долголетний сотрудник левобуржуазной «Франкфуртской газеты», Фриц Нафтали выступил на брюссельском конгрессе со специальным докладом о мирохозяйственном положении [1]. Идеи организованного капитализма и хозяйственной демократии являлись, естественно, центральным пунктом всего выступления. Глубоко ошибся бы, однако, тот, кто рассчитывал бы найти в этом докладе сколько-нибудь вразумительное представление о сущности тех процессов, которые дают право толковать об организованном капитализме. Рассуждения Нафталя сводятся к повторению тех же истин, уже знакомых нам по статье Деккера: «Свободная конкуренция, составлявшая отличительную черту капитализма еще так недавно, заменена фактической монополией трестов, с одной стороны, и коллективными договорами с рабочими, которые являются ограни-

чением свободы конкуренции труда,— с другой. Немалую роль играет теперь и страхование от безработицы, проведенное в 17 крупных государствах. Все это вместе взятое значительно меняет структуру капитала: сейчас это не тот капитализм, который мы знали до войны. Это ни в какой мере не облегчает и не уменьшает борьбы рабочего класса, но к старым требованиям надо прибавить новые, чтобы монополистические картели были поставлены под контроль» и т. д. (дальше идет уже совсем бессодержательная болтовня). Стало быть, структура капитала изменилась, на место неорганизованного капитала стал организованный. Во-первых, картели и тресты заняли место единоличного предприятия и, во-вторых, вместо свободных договоров заключаются тарифные соглашения и существует обязательное страхование от безработицы. На основании этих фактов реформисты берутся утверждать, что перед капитализмом открылась совершенно новая эпоха, притом эпоха такая, которую Маркс не предвидел и которая таким образом побивает пророчества Маркса.

Не менее бессодержательна и обща характеристика пресловутого организованного капитализма, данная в официальном документе — резолюции брюссельского конгресса II Интернационала, посвященной вопросу о «мировом экономическом положении и задачах пролетариата». Приводим важнейшее из этой резолюции, относящееся к интересующему нас вопросу. «Послевоенное десятилетие — заявляет эта резолюция — характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом частных монополий. Развитие монополистических организаций шагает через границы государств: число международных картелей и трестов все возрастает».

III

Внутреннюю лживость утопии организованного капитализма не в состоянии скрыть сами идеологи реформизма. Видно, действительно, шила в мешке не утаишь. Из идеологического мешка реформизма то там, то здесь высовывается неприглядное шило действительности.

Даже в резолюции брюссельского конгресса в некоторых местах достаточно отчетливо выступают внутренние противоречия теории организованного капитализма. Один из пунктов резолюции гласит: «Описанные изменения в развитии мирового хозяйства не могут поколебать позиции рабочего класса; наоборот, они свидетельствуют о том, что капиталистическое развитие все в большей степени само создает предпосылки для преодоления капитализма. Если капиталистические монополии на ближайший период и приводят к установлению тяжелого гнета над народами, то они в то же время показывают, что само развитие требует замены конкуренции планомерной организацией общественного производства. Если рационализация непосредственно и усиливает муки рабочих и увеличивает число безработных, то с другой стороны — она показывает на возможность, благодаря колоссальному повышению производительности труда, создать экономические предпосылки культурной жизни для всех людей. Если международные картели и тресты непосредственно и подчиняют народы и государства господству мирового капитала, то в то же время они показывают,

[1] На этом основании один из редакторов «Франкфуртской газеты» в частной беседе не без иронии говорил о «нафтализированном социализме» II Интернационала.

как создаются предпосылки для уничтожения анархии мирового рынка, для планомерного международного руководства мировым хозяйством».

Итак, здесь дело изображается таким образом, что новейшее развитие капитализма создает лишь предпосылки для осуществления социалистических принципов. Но как тогда быть с основным положением всей теории организованного капитализма, гласящим, что новая фаза капиталистического развития характеризуется тем, что вместо капиталистического принципа конкурентной борьбы выступает социалистический принцип планомерной организации производства? Ведь совершенно очевидно, что вместе с этим утверждением стоит и падает все теоретическое здание «новой фазы», которая открывается перед современным капитализмом. Как быть с заявлением посвященной конгрессу передовицы «Форвертса» насчет «внедрения социалистических принципов в капиталистическое хозяйство»? Читатель дальше увидит, что именно это «внедрение» составляет основу всей теории хозяйственной демократии. Совершенно ясно, что в действительности имеет место одно из двух. Либо современный «организованный капитализм» действительно характеризуется внедрением социалистических принципов, их фактическим осуществлением — в таком случае оправданы и уместны разговоры о новом технико-экономическом перевороте, о новой фазе и т. д. Либо современное развитие создает лишь предпосылки для осуществления социалистических принципов — и тогда встает немаловажный вопрос: каким образом эти предпосылки могут быть превращены в действительность, каким образом эти возможности могут быть реализованы?

В ответе на последний вопрос идеологи реформизма также не могут выбраться из заколдованного круга совершенно явных противоречий. Так они нередко бывают вынуждены признать, что рост хозяйственной организованности в рамках капитализма ведет к одновременному возрастанию раздирающих его противоречий и антагонизмов. Но отсюда следовал бы, казалось, совершенно логический вывод о том, что лишь социальная революция, лишь коренной общественный переворот может устранить одну из сторон этого глубокого противоречия, может разрешить раздирающие капиталистический строй антагонизмы, может пробить дорогу для действительного торжества социалистической организации хозяйственной жизни. Но этого вывода реформистские идеологи боятся, как чорт ладана. Будучи не в состоянии скрыть или не заметить раздирающих капитализм растущих противоречий, они в то же время остаются глашатаями мирного врастания в социализм демократическим путем. Легко себе представить, ценой каких отнюдь не диалектических противоречий достигается обоснование подобных выводов. Понятно при этом, что чем более левые фразы декламирует тот или иной реформист, тем более отчетливо и ясно выступает эта пропасть в его рассуждениях.

Ограничимся лишь несколькими примерами. В цитированной выше программной статье «Под знаком хозяйственной революции» венская «Арбайтерцайтунг» пишет в заключение: «Соотношение политических сил может нынче казаться в целом неизменным; огромные, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми, препятствия могут мешать международному пролетариату достичь решительной сокрушительной победы; однако в то самое время, когда политическое господство буржуазии кажется обеспеченным, экономическое развитие продолжает свой бег. Это развитие еще проходит на почве и в интересах

капиталистических сил, оно еще направляется и управляется вожаками капиталистического хозяйства, которые в эпоху организованного капитализма сосредоточивают в своих руках несравненно большую политическую и экономическую власть, нежели когда-либо прежде. Результат этого развития вовсе не означает организации неорганизуемого (die Regelung der Unregelbaren) капиталистического производства, однако развитие отчетливо стремится вырваться за пределы капиталистических рамок; оно стремится осуществить то, что никогда не может осуществиться в капиталистическом обществе. Таким-то образом хозяйственное развитие работает в нашу пользу как раз в такое время, когда политические условия нередко неблагоприятны для нас. Хозяйственная жизнь, коренные изменения которой мы все наблюдаем, является в нашу пору политической реакции, охватившей ряд стран, сильнейшим и надежнейшим союзником рабочего класса».

Если попытаться за туманом этих звонких фраз раскрыть какое-либо содержание, то совершенно очевидно, что вся эта тирада могла бы означать лишь одно, а именно: капитализм по самой природе своей не может быть организован, сама система организованного капитализма полна противоречий, власть капиталистических магнатов в эту эпоху сильно возрастает, но тем не менее хозяйственное развитие работает на пользу социалистического пролетариата.

О противоречиях, заложенных в структуре современного «организованного капитализма», говорит и Оскар Поллак в чрезвычайно характерной статье «Международное рабочее движение в период „паузы"», помещенной в № 8—9 теоретического ежемесячника австро-марксистов «Кампф» за 1928 г. Затрагивая вопрос о военной опасности и грядущей войне, автор заявляет: «Межународный капитализм достиг новой ступени в своем развитии; его последняя форма — это организованный капитализм; мощные международные концерны и картели разделяют между собою мир. Эти новые международные капиталистические державы могущественнее, нежели государства; они господствуют над правительствами; их сущность — организация; но горе, если они в один прекрасный день вступят в бой между собою! Еще неясно, означает ли международная концентрация капитала преодоление эпохи конкуренции, или она приведет к возобновлению конкурентной борьбы на высшей ступени, в неведанных доселе, ужасающих размерах. Пока что обе возможности: война или мир, договора или борьба на уничтожение, угрожающе и загадочно покоятся в глубине портфелей акций».

Если Поллак признает, что обе возможности — война или мир — покоятся в глубине портфелей акций, то большинство реформистов все же смотрит на этот вопрос иначе. Обманывая рабочие массы пацифистскими иллюзиями, превознося до небес империалистическую Лигу Наций, они склонны изображать дело так, будто война в будущем может угрожать лишь со стороны... большевизма. Реформисты всех мастей подняли дикий вой по поводу открытого заявления VI конгресса Коминтерна насчет неминуемой угрозы империалистической войны. Реформисты всех толков (в том числе один из первых Отто Бауэр) с неслыханно циничной демагогией пытались исказить смысл этого ясного и четкого заявления. Большевики, мол, потому заявляют о неизбежности новой войны, что они ее хотят, они ее жаждут, они ждут от этой войны осуществления своих планов всемирной революции — под этим лозунгом шла отравленная пропаганда реформизма.

В то же время действительная опасность войны всячески затушевывается; немалую служебную роль здесь играют те же идеи организованного капитализма. Если даже оставить в стороне совершенно бездарные вариации на эту тему, если обратиться к более серьезным реформистским выступлениям по этому поводу, то и там мы найдем достаточно примеров такого использования теории организованного капитализма для распространения вреднейших пацифистских иллюзий. Так уже известный нам Деккер пишет в своей статье: «Разумеется, капитализм нынешнего дня не уничтожил конкуренции и борьбы за рынки и сырье, но лишь ввел ее в новое русло; однако как из боязни перед массами, так и вследствие своей международной организованности он гораздо сильнее, чем прежний капитализм, склонен к хозяйственному и политическому интернационализму, к политике международного соглашения, к определенного рода оппортунистическому пацифизму. Конечно, не случайно наиболее острая опасность войны угрожает со стороны государств, в которых капитализм относительно слабо развит и рабочее движение разгромлено».

Это рассуждение чрезвычайно характерно и поучительно. Дело изображается таким образом, будто опасность войны грозит со стороны таких стран, как Италия, Венгрия, Польша, балканские государства и другие страны поменьше. Что же касается до основных крупнейших империалистических хищников, без которых большинство второстепенных государств не может самостоятельно шагу ступить, то здесь капитализм в силу своей организованности и под влиянием развитого рабочего движения склонен, мол, к оппортунистическому пацифизму. Владыки американского, британского, французского капитала чудесным образом превращаются в некое подобие ангелов мира.

IV

В еще более своеобразном свете рисуют идиллии организованного капитализма левые социал-демократы.

Если уже Поллак, вопреки реформистской стопроцентности, допускает, что в тысячелетнем царстве организованного капитализма обе возможности — мира и войны — скрываются в тайниках портфелей акций, то еще решительнее выражаются его более левые сподвижники.

В этом отношении чрезвычайно характерна статья О. Ляйхтера «Организованный капитализм и его диалектика», помещенная в том же номере «Кампф». Уж одно заглавие статьи свидетельствует о том, что автор не прочь рядиться в псевдо-марксистские одежды. Отметив ряд особенностей нынешней фазы капиталистического развития, автор в согласии со всеми реформистами приходит к выводу, что эти особенности дают право говорить о новой ступени в развитии капитализма, о стадии организованного капитализма. Однако в самой характеристике этого строя Ляйхтер не может обойтись без ряда признаний, которые бросают несколько неожиданный свет на обычные реформистские росскани об организованном капитализме.

Оказывается, если можно говорить об «огосударствлении (Durchstaatlichung) хозяйства, то не следует также закрывать глаза на тот факт, что государство отступает на второй план перед концернами как в вопросах внешнехозяйственной, так и в области внутренней политики; и оставляет на долю крупнейших капиталистических организаций те функции, которые оно собственно должно было бы выполнять само. Ибо что́ такое соглашение между германской и французской стальной

индустрией, как не мероприятие, имеющее решающее значение для германской промышленности? А разве повышение цен на железо, т. е. вздорожание важнейшего вида сырья для тысяч предприятий не представляет собою мероприятия всеобщего хозяйственного значения? Но, как известно, — хотя границы между частными и публичными хозяйственными мероприятиями начинают все более стираться, — крупная промышленность сумела благодаря политическому влиянию своих политических партий оттеснить государство с его мероприятиями на задний план или полностью приспособить государственные мероприятия к желаниям и потребностям крупных капиталистических об'единений».

Как пример подобной «отмены» государства со стороны крупнейших магнатов капитала тот же автор в другом месте приводит историю переговоров между Францией и Германией насчет заключения торгового договора в 1925 г. Эта история в кратких чертах сводится к следующему: чиновники министерств иностранных дел потратили немало времени на переговоры, но никак не смогли разрешить двух основных проблем, касавшихся пошлин на продукты железоделательной и химической промышленности. Затем с'ехались некоронованные короли этих крупнейших трестов и живо разрешили эти вопросы деловым образом. В качестве друого примера бесцеремонного вторжения капиталистических магнатов в государственную жизнь автор называет «фашизм банков», который сильно чувствовался в ряде стран при борьбе за денежную реформу. На основании подобных фактов автор предупреждает, что «не следует обманываться насчет того, что методы организованного капитализма ближе к олигархии, нежели к демократии».

Пытаясь сформулировать свойственные организованному капитализму противоречия, автор заявляет: «Частное хозяйственное руководство стало важнейшим фактором публичной хозяйственной политики благодаря тому огромному значению, которое имеет каждое мероприятие в области политики цен, производства и сбыта. Решения крупных концернов вплотную подходят к сфере компетенции публично-правовых инстанций, но это не означает огосударствления хозяйства в том смысле, что государство действительно оказывает решающее влияние на хозяйство. Благодаря начинающейся организации хозяйства ныне создана возможность того, что общество перейметруководство хозяйственным аппаратом, ставшим более прозрачным, когда изменение политического соотношения сил приведет к демократическому управлению хозяйством. Но как раз из страха устранения своей неимоверной власти крупнейшая буржуазия постепенно об'единяет вокруг себя для борьбы против рабочего класса все буржуазные слои. Таким образом организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Пытаясь щеголять чисто словесной диалектикой, пытаясь растворить действительные противоречия современного капитализма в невинной игре словесными формулировками, автор в конце статьи вспоминает, что пролетариат должен сначала завоевать политическую власть, прежде чем скрытая в недрах организованного капитализма тенденция социалистического развития сможет быть реализована.

Разумеется, речь идет о завоевании политической власти в стиле реформистских представлений: без всякой революции, при помощи одной лишь избирательной урны, которая когда-нибудь, ведь, даст, наконец, социалистам долгожданные 51% голосов. Тогда хваленая демократия откроет свои об'ятия социализму.

На примере диалектического танца, исполненного Ляйхтером, видна вся отнюдь не диалектическая противоречивость представлений левых реформистов насчет организованного капитализма. В самом деле, хотя современный капитализм ведет к обострению классовых противоречий — но тем не менее демократия и гражданский мир остаются панацеей от всех зол. Организованный капитализм ведет к превращению демократии в олигархию, к подчинению государства кучке капиталистических воротил, к фашизму банков — тем лучше для демократии! Кровью и железом современный капитализм охраняет свое господство и подавляет всякие покушения на свое самодержавие — тем не менее реформисты продолжают болтать об осуществлении социалистических принципов уже в рамках нынешнего организованного капитализма.

V

На базе этакой «стройной» теории организованного капитализма и вырос лозунг хозяйственной демократии. Подобно кривому зеркалу реформистская идеология отражает в искаженном до неузнаваемости виде те реальные процессы, которые разыгрываются в капиталистической экономике.

Послевоенный капитализм во многом отличается от довоенной экономики. Отличие это состоит, разумеется не в том, что до войны господствовала свободная конкуренция, а теперь настало царство организованного капитализма. Господство монополий достаточно ярко проявлялось и в довоенный период. И тогда уже блага эпохи свободной конкуренции безвозвратно отошли в область прошлого.

Тем не менее следует признать, что послевоенное десятилетие принесло с собою ряд крупных структурных сдвигов и изменений в хозяйственном организме мирового капитализма. Эти сдвиги непосредственно базируются, естественно, на тех коренных пертурбациях, которые внесла в хозяйственную жизнь война со всеми своими последствиями. Структурные изменения послевоенного капитализма идут в общем и целом в направлении дальнейшего развития основных особенностей монополического капитализма.

Однако, если империализм представляет собою вообще последний этап капитализма, то хозяйственная жизнь послевоенной эпохи отличается тем, что до чрезвычайности выпукло, ярко и обнаженно проступают все признаки умирания и распада капиталистического строя. Бьющие в глаза противоречия империалистической экономики достигают небывалой остроты. Признаки умирания, симптомы загнивания достигают невероятной силы, несмотря на внешнее — иной раз — благополучие, несмотря на судорожные попытки продвижения вперед.

Если в довоенный период господство монополий было широко распространено, то современная экономика характеризуется во многих случаях совершенно неограниченным самодержавием небольшой кучки монополистических воротил. Если процессы концентрации и до войны протекали быстрым темпом, то ныне этот темп становится исключительно бурным. Под влиянием войны и ее последствий происходит быстрая пролетаризация довольно широких слоев прежнего среднего сословия. Если до войны магнаты капитала оказывали решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику, то в послевоенный период это влияние до чрезвычайности возрастает.

К числу особенностей послевоенной экономики, требующих пристального внимания, относится развитие государственно-капиталистических тенденций и элементов. В этом отношении нынешнее развитие наиболее непосредственно примыкает к периоду военной организации хозяйства. Ряд конкретных форм современных госкапиталистических тенденций представляет собою прямое продолжение процессов, имевших место в период войны. Разумеется, не следует понимать эту преемственность чересчур буквально. Изменилась в корне хозяйственная обстановка по сравнению с обстановкой мировой войны, изменился весь облик хозяйственной жизни. Ясно поэтому, что и госкапиталистические элементы по своей форме, по своей конкретной внешности сильнейшим образом отличаются от методов госкапиталистического регулирования и управления эпохи войны. Тем не менее в принципиальном отношении нередко может быть установлена прямая связь между этими внешне несходными явлениями.

Элементы госкапитализма заключаются в чрезвычайно тесном сращении государственного аппарата буржуазии с ее хозяйственным аппаратом. Реформисты пытаются изобразить дело так, будто это означает усиление функций демократического государства в области хозяйственной жизни. Впрочем, как мы уже видели, даже некоторые реформисты вынуждены признать, что на деле происходит как раз обратный процесс подчинения государственной власти небольшой олигархической кучке магнатов капитала.

Схематически можно было бы расклассифицировать конкретные формы современного госкапитализма по следующим рубрикам: 1) предприятия, находящиеся в собственности публично-правовых организаций; 2) различные формы государственного регулирования деятельности частных предприятий (главным образом в области цен); 3) область междугосударственных отношений; 4) область так называемой социальной политики (прежде всего принудительный арбитраж и рабочее законодательство).

VI

Что касается предприятий, составляющих собственность государства, коммун и т. д., то они служат излюбленным коньком реформистов. На примере этих предприятий реформисты пытаются доказать, что можно «совсем без драки попасть в большие забияки», что можно осуществлять такую политику, когда и волки будут сыты, и овцы целы, когда социализм будет торжествовать и в то же время капиталисты не будут огорчены. Растущее значение этих предприятий, не находящихся в частном владении, реформисты приводят в качестве одного из наиболее ярких признаков мирного врастания капитализма в социализм. Государственные, коммунальные и прочие общественные предприятия (сюда относятся еще кооперативные предприятия, учреждения вроде «рабочих банков» и пр.) реформисты изображают чуть ли не в виде обобществленного сектора, выражаясь нашим советским языком. Рост этого круга общественных предприятий они об'являют равнозначущим с ростом обобществления хозяйства, с ростом конкретного практического социализма. Это обстоятельство, заметим в скобках, не мешает социал-демократам всячески клеймить обобществленный сектор хозяйства в Советском Союзе, называть его госкапитализмом, не имеющим ничего общего с социализмом. С другой стороны, некоторые наиболее оголтелые фанатики частной инициативы и свободной борьбы сил всячески

протестуют против этого участия публично-правовых институтов в хозяйственной жизни, подымая крик по поводу совершающейся якобы в тиши «холодной социализации».

На самом деле, разумеется, упования реформистов и страхи апологетов свободной инициативы в равной мере неосновательны. Правда, по своим абсолютным размерам государственные, коммунальные и прочие общественные предприятия играют немалую роль в хозяйственной жизни. В них занято несколько сотен тысяч рабочих. Их годовая продукция достигает по некоторым подсчетам 10—12 миллиардов марок, составляя таким образом немалую долю всей валовой продукции германского народного хозяйства. Несомненно, что по сравнению с довоенным периодом значение этой формы госкапитализма сильно возросло. Этот конгломерат предприятий состоит в значительной мере из заводов, выстроенных или приобретенных государством во время войны. Какова, однако, экономическая роль этого своеобразного госкапиталистического сектора? Сколько-нибудь критический подход к вопросу не оставляет места для двух мнений на этот счет. Прежде всего следует заметить, что эти госкапиталистические предприятия в виде общего правила функционируют не в тех областях, где они могли бы составлять серьезную конкуренцию частно-капиталистическим монополиям. Обыкновенно государство и коммуны берут на себя ведение таких предприятий, которые для частного капитала представляются не особенно желанным об'ектом вследствие ли необходимых для сооружения крупных средств, или из-за медленности оборота капитала, или, наконец, из-за низкой нормы доходности. Сюда относятся нередко предприятия вроде трамвайной сети, районных электроцентралей, газопроводов, жилищное строительство и т. п. Зато эти предприятия при своей постройке являются крупными потребителями изделий частно-монополистической индустрии в (первую очередь — металлургии и электротехники). В период же своего функционирования эти предприятия обслуживают нужды частной индустрии: питают ее дешевой двигательной силой, дают возможность селиться вновь прибывающим рабочим и т. д. Таким образом, между «общественным», и частно-монополистическим хозяйствами устанавливаются скорее отношения сотрудничества, основанного на своеобразном разделении труда (до чрезвычайности напоминающем известную крыловскую басню, где одному достаются «вершки», а другому «корешки»), нежели отношения борьбы.

О этим связана и другая сторона дела. Публично-правовые предприятия в виде общего правила чрезвычайно быстро вступают в теснейший контакт и союз с крупнейшими концернами и прочими монополистическими организациями. Исключительную роль в деле установления подобных связей выполняют обычно банки. Именно через банки государственные и коммунальные предприятия завязывают тесные отношения с монополистическими организациями, которые либо являются поставщиками, либо напротив потребителями, либо, наконец, однородными производителями. Смычка капиталистических предприятий с банками и концернами протекает в форме участия, выражается в передаче пакетов акций, находит свое внешнее проявление в виде обмена членами наблюдательных советов и т. п. Таким порядком госкапиталистические предприятия целиком врастают в общую систему монополистического капитализма. Исключения из этого правила не составляют и так называемые «рабочие банки», создаваемые германскими реформистами по американскому образцу на профсоюзные средства.

собранные из пролетарских грошей. Эти рабочие банки очень скоро подпадают под влияние крупнейших воротил капиталистического финансового мира, или же, как это случилось с банком всегерманского профсоюзного центра в 1928 г., прибегают к финансовым операциям со всякими сомнительными полуспекулятивными фирмами, терпя на этих комбинациях урон.

Государственное регулирование деятельности частно-капиталистических предприятий было чрезвычайно широко распространено во время войны. Тогда эта регламентация охватывала ряд существеннейших сторон. То, что осталось в настоящее время от этой всеохватывающей регламентации, носит довольно скромный характер. Нынешняя регламентация касается, во-первых, только установления продажных цен, во-вторых, охватывает крайне ограниченное количество товаров (уголь, калий, железо) и, в-третьих, составляет предмет компетенции таких смешанных государственно-хозяйственных органов, где монополистическим воротилам обеспечено чрезвычайно сильное влияние. Временами эта регламентация цен низводится до степени пустой формальности. Зато, с другой стороны, когда налицо серьезные конфликты между различными кликами монополистов, например, между воротилами тяжелой и обрабатывающей промышленности, к этой регламентации нередко приковывается общественное внимание.

Что касается всей обширной области междугосударственных отношений, то эта область, как известно, составляет излюбленную сферу теснейшего сотрудничества государственной власти с монополистическими воротилами в течение всей империалистической эпохи. Характерная для империализма агрессивная протекционистская политика по самому существу предполагает тесное сотрудничество между государственным аппаратом и «капитанами» хозяйственной жизни. Послевоенная эпоха характеризуется тем, что эта связь становится еще более прозрачной и вполне осязательной. Такие случаи, как приведенный выше в изложении Ляйхтера пример франко-германских экономических переговоров, дают разительное подтверждение этому сращиванию. Та же партия повторяется в Германии при всяких сколько-нибудь серьезных хозяйственных переговорах с другими государствами; так, например, та же история повторилась при переговорах относительно германско-польского торгового договора с той лишь разницей, что вместо королей химии и железа заинтересованными лицами оказались восточно-прусские помещики и силезские промышленники.

Наконец, чрезвычайно многообразны проявления государственного капитализма в области рабочей политики современного государства. Именно эта область требует наиболее пристального внимания, ибо она используется социал-демократами в качестве одного из основных «камней» для теории хозяйственной демократии. Если все прочие проявления организованного капитализма представляют для идеологии хозяйственной демократии лишь своего рода теоретические предпосылки, то как раз эта область отношений вводит нас в самую гущу практической политики современного реформизма.

Было бы нестерпимо скучным делом заводить спор о том, следует ли причислять к проявлениям государственного капитализма первые шаги государства в области регулирования труда и положения рабочего класса. На наш взгляд, если мы хотим сохранить за понятием государственного капитализма определенность его исторического содержания, если мы под этим термином об'единяем процессы, имеющие место в

стадии высоко развитого монополистического капитализма и усиливающиеся лишь к периоду гибели и упадка капитализма, тогда не может быть и речи о причислении по ведомству госкапитализма первых законодательных актов в области охраны труда и ограничения рабочего времени и даже первых опытов государственного страхования безработных. Правда, нынешние мероприятия государства в области рабочей политики можно рассматривать как продолжение и развитие этих первых шагов. Однако современные государственные мероприятия протекают прежде всего в специфической обстановке высоко-концентрированного капитализма, обнаруживающего целый ряд госкапиталистических тенденций. В то же время эти мероприятия по своему характеру, об'ему, направлению и форме носят все же до известной степени специфический характер.

Этот специфический характер ни в чем, если угодно, так ярко не обнаруживается, как в отношении государства к реформистскому профсоюзному аппарату. Вильгельмовская империя официально не признавала профсоюзов. Не признавали их и главари промышленных организаций. В довоенный период монополистические тузы игнорировали профсоюзные организации в качестве какого-то незаконного сброда. В огне мировой войны реформистские профсоюзы завоевали себе право гражданства в буржуазном обществе. Это право гражданства было впервые оформлено в известном соглашении между вожаком реформистских профсоюзов Карлом Легином и главарем промышленных организаций Гуго Стиннесом, заключенном 15 ноября 1918 г., т. е. на другой день после свержения монархии. Первый пункт этого соглашения гласит, что профсоюзы признаются представителями рабочего класса. Как известно, в уплату за эту чечевичную похлебку запоздалого признания реформисты в буквальном смысле слова отдали свое первородство: они обязались сохранить в целости капиталистическую систему. И это свое обязательство они выполнили, пролив море рабочей крови. Реформисты оправдали доверие буржуазии. И недаром орган тяжелой индустрии, принадлежавший одно время тому же Стиннесу, «Deutsche Allgemeine Zeitung» в передовице, посвященной Гамбургскому с'езду профсоюзов, в сентябре 1928 г. писал со скрытой иронией, что в сущности профсоюзный аппарат в такой же мере консервативен, как и аппарат буржуазного государства.

В настоящее время все формы социальной политики государства отличаются тем, что в них виднейшую роль играет профсоюзный аппарат. Реформистская верхушка профсоюзов представлена в важнейших хозяйственных органах государства (совещательный, вечно «временный» государственный хозяйственный совет RWR и др.). Государственное вмешательство в отношения между трудом и капиталом, унаследовавшее от довоенного времени такие формы, как ограничение рабочего времени и страхование безработных, в послевоенный период обогатилось *принудительным арбитражем*. В любом случае конфликта между рабочими и предпринимателями по поводу зарплаты, условий труда и т. п. дело может быть передано государственному арбитру, по инициативе как одной из спорящих стран, так и самого арбитра. В случае несогласия сторон или какой-нибудь одной из них с решением арбитража, это решение может быть об'явлено обязательным опять-таки по инициативе одной из сторон, либо государства. Практика принудительного арбитража ведет к фактическому лишению рабочего класса права на стачку, к ухудшению условий оплаты труда, ко все возрастаю-

щему закабалению пролетариата. И в этом деле реформистский профсоюзный аппарат играет чрезвычайно видную роль. Именно выслужившиеся профессиональные бюрократы заполняют собою ряды государственных арбитров. Но помимо того, без профсоюзной машины было бы абсолютно невозможно заставить рабочих подчиняться принудительному арбитражу. Эту свою функцию профсоюзный аппарат выполняет без отказа.

Если в других сферах проявления современных госкапиталистических тенденций мы имеем дело прежде всего с процессом сращивания буржуазного государства и хозяйственного руководства, то в данной области на первый план выдвигается еще более сложный процесс сращения государственного и хозяйственного аппарата буржуазии с реформистским профсоюзным аппаратом. Именно в этой области хозяйственных отношений следует, на наш взгляд, искать корней современных фашистских тенденций в развитии социал-демократии. Госкапиталистические формы открывают тысячи возможностей для постоянного врастания и внедрения реформистских чиновников в сращивающиеся части государственного и хозяйственного аппарата буржуазии. Социал-демократические, партийные и профсоюзные деятели становятся членами наблюдательных советов госкапиталистических предприятий, пробираясь по этому трамплину дальше в гущу монополистических организаций промышленности. Реформистские чиновники занимают ряд крупных и мелких постов в органах социальной политики буржуазного государства. Создаются кадры, охватывающие тысячи людей, по большей части выходцев из пролетариата, которые в прежнюю пору своей деятельности привыкли считать себя представителями рабочего класса. Ныне, войдя в машину буржуазного владычества, они склонны принимать свое врастание в капиталистический аппарат за врастание капитализма в социализм. Возникает соответствующая идеология, всемерно прикрашивающая капитализм, изображающая явления распада капитализма в качестве гармонического процесса «становления социализма». Если Буало в свое время рекомендовал всегда называть кошку — кошкой, то современный реформизм, напротив, постоянно норовит называть нынешний капитализм — социализмом в становлении. Эта реформистская идеология по сути дела гораздо ближе к фашистской, чем это может показаться на первый взгляд. Формальное противоречие: демократия — диктатура здесь особенно большой роли не играет. Если взглянуть на существо дела, то оно сводится и у фашистов и у реформистов к удержанию масс от расправы с капиталистическими порядками, к сохранению и убережению капиталистического строя. И пути выполнения этой задачи у фашистов и реформистов гораздо более сходны, нежели можно предполагать. И для тех и для других основным политическим орудием служит демагогическое приукрашивание существующих отношений, с той только разницей, что у фашистов на первом месте стоит национальная демагогия (что отнюдь не исключает иногда довольно обильных элементов социальной демагогии), в то время как реформисты выдвигают на первый план демагогию социальную (что не мешает им зачастую апеллировать к националистическим чувствам).

VII

После того, как мы ознакомились со служебной ролью пресловутой теории хозяйственной демократии, нас не может удивить идейная

пустота и бесцветность всей этой концепции. Неопределенность самого понятия хозяйственной демократии стала излюбленным предметом для острот и шуток в среде самих реформистов. Внутренние противоречия этой концепции ничуть не менее велики и непримиримы, чем противоречия теории организованного капитализма.

Прежде всего совершенно неясно, какой круг явлений понимается под хозяйственной демократией. Профсоюзные идеологи обычно спасаются за толстым щитом ничего ие говорящих, пустопорожних, чисто словесных упражнений. Много говорится об изменениях «хозяйственного духа», о проникающем в область хозяйства общем интересе, об ограничении частного эгоизма, об установлении равноправия между рабочими и работодателем, об участии рабочих в управлении предприятиями и всем хозяйством в целом.

Далее пунктом бесконечных споров и препирательств является такого рода «пустяк»: возможна ли хозяйственная демократия при капитализме или ее час наступит лишь после замены капитализма (разумеется, демократическим путем реформ) социалистическим строем. На бреславльском с'езде профсоюзов в 1925 г. с докладом о хозяйственной демократии выступил социал-демократический профессор Хермберг. По его докладу всегерманский с'езд профсоюзов впервые вписал в историю профдвижения это сакраментальное слово. И вдруг — о ужас! — после долгих размышлений проф. Хермберг через несколько лет приходит к выводу, что в рамках капитализма говорить о хозяйственной демократии вовсе не приходится, что понятия капитализм и хозяйственная демократия взаимно исключают друг друга. Эти свои открытия он поведал миру в докладе в Лейпциге в начале 1928 г. Любопытна его аргументация, весьма характерная для реформистских начетчиков. Читатель может подумать, что почтенный профессор усумнился в осуществимости хозяйственной демократии при капитализме под влиянием размышлений о присущих капитализму противоречиях, классовой борьбе, господстве капиталистических олигархических клик и т. п. Ничуть не бывало! Ход мыслей проф. Хермберга иной. Хозяйственная демократия — рассуждает он — означает определенное (т. е. демократическое) управление хозяйством. Но капитализм не знает вообще никакого управления хозяйством. Оригинальная черта капиталистического хозяйства заключается в том, что оно никем сознательно не управляется; об управлении хозяйством можно говорить лишь применительно к планомерно-организованному социалистическому хозяйству. Отсюда — на этом формально-логическом основании — почтенный экономист и делает вывод, что осуществление хозяйственной демократии несовместимо с сохранением капиталистического строя и его основы — частной собственности на средства производства.

Вокруг этого вопроса в среде реформистов разгорелась довольно оживленная дискуссия. Хермбергу взялся ответить сам Т. Ляйпарт — наследник Легина на посту председателя всеобщего об'единения профсоюзов Германии. В марте 1928 г. Ляйпарт сделал доклад на собрании профсоюзных чиновников в Дрездене; этот доклад напечатан под интригующим заглавием «На пути к хозяйственной демократии?» В этом докладе лидер профсоюзных реформистов ставит целую уйму вопросов, в том числе даже такой забавный вопрос: осуществима ли хозяйственная демократия в одной стране, или она может быть осуществима лишь в интернациональном масштабе?

Ляйпарт прежде всего оспаривает утверждение Хермберга насчет того, что капиталистическое хозяйство в целом не знает сознательного управления и руководства. Конечно — говорит Ляйпарт — следует различать между управлением отдельным предприятием и управлением хозяйственным целым. Но если делать это различие, то придется признать, что современный капитализм знает всеоб'емлющие организации. При этом Ляйпарт повторяет обычные реформистские рассуждения насчет организованного капитализма. Хозяйство, по уверениям Ляйпарта, уже в настоящее время перестало быть частным делом предпринимателей. В подтверждение своих слов Ляйпарт ссылается на одного из виднейших руководителей предпринимательских об'единений — Ляммерса, который произнес на с'езде партии центра несколько общих фраз о том, что предприниматели проникнуты национальным чувством ответственности, о службе народу, о стремлении к общему благу и т. п. Понятие частной собственности — рассуждает Ляйпарт — не остается неизменным на протяжении всего развития капитализма. Было время, когда право частной собственности означало полнейший произвол единичного предпринимателя. Не то теперь. В нынешнюю эпоху институт частной собственности подвергается столь серьезным ограничениям, что он незаметным образом превращается в институт собственности коллективной. Как государство, так и организация самих промышленников чрезвычайно ограничивают личный произвол предпринимателя. Помимо того, представители рабочих принимают участие в делах управления предприятием. Наконец, Ляйпарт перечисляет всю совокупность тех отличий современного капитализма, которые сводятся к различным формам госкапиталистических элементов: государственное регулирование отношений труда и зарплаты, обязательный арбитраж регулирование рабочего времени, трудовое посредничество и страхование от безработицы, распространение государственных, коммунальных и общественных предприятий. Все эти проявления госкапиталистических тенденций Ляйпарт расписывает как доказательство того, что прежний индивидуализм в значительной мере сменился коллективизмом, что характер частной собственности в корне изменился, что общественное управление хозяйств уже существует и постоянно усиливается. И Ляйпарт весьма сочувственно цитирует другого социал-демократического профессора, руководителя профсоюзной «Академии Труда» во Франкфурте на Майне, Э. Нёльтинга, который заявил, что современный мир находится в периоде перехода от капиталистического к общественному хозяйству, причем этот переход и представляет собою преддверие социалистического хозяйства. Хозяйственная демократия была *еще* невозможна в чистом капиталистическом хозяйстве, и она *уже* невозможна в социалистическом хозяйстве. Резюмируя, Ляйпарт заявил, что он понимает под хозяйственной демократией не что иное, как проведение в жизнь § 165 Германской конституции, который признает за рабочими и служащими право «равноправно с предпринимателями» принимать участие не только в «регулировании условий труда и оплаты» но и «во всем хозяйственном развитии производительных сил». Сказано, как видит читатель, на редкость определенно и ясно.

Не будучи в состоянии сказать что-либо по существу вопроса о хозяйственной демократии, другие реформистские деятели забавляются пустой игрой в словечки. Так, например, в теоретическом журнале, посвященном вопросам профдвижения, «Gewerkschaftsarchiv» (сентябрьская книжка 1928 г.), один из реформистских писателей предложил сле-

дующий остроумный выход. О хозяйственной демократии при капитализме говорить не приходится—хозяйственная демократия неосуществима без серьезных покушений на принцип капиталистической частной собственности. Поэтому — уверяет нас автор — следует говорить о демократизации хозяйства. В конце этого процесса развития только и сможет быть достигнута хозяйственная демократия.

Примерно ту же позицию по существу занимают более левые реформисты. «Только в социалистическом, обобществленном хозяйстве будет возможна хозяйственная демократия» — заявляет один из сотрудников Пауля Леви, некий Ф. Петрих, в изданной Леви корреспонденции «Sozialistische Politik und Wirtschaft» (№ 36 за 1928 г.): «Все, что нам ныне в приукрашенном виде преподносится как хозяйственная демократия, не является даже демократией в предприятии, это лишь начатки, предшественники хозяйственной демократии, которая на почве капитализма, если иметь в виду все хозяйство в целом, еще не возможна». Таким образом даже крайне «левые» реформисты стоят принципиально на той же почве, что и самые махровые профбюрократы вроде Ляйпарта: уже в настоящее время они находят элементы хозяйственной демократии, начатки ее, демократизацию предприятия или всего хозяйства. Они лишь осторожнее своих правых друзей в том отношении, что они не спешат об'явить существующий в Германии строй «переходным от капитализма к социализму». Они видимо резонно опасаются, что рабочий скажет: если так выглядит переход к социализму, то не желаю я такого перехода и такого социализма.

Итак, корень и гвоздь хозяйственной демократии, или демократизации хозяйства, или демократии в предприятии — это равноправие рабочих с предпринимателями не только в области определения условий труда и его оплаты, но и вообще в области участия в хозяйственном руководстве. Еще десяток лет тому назад Р. Гильфердинг издевался над принципом паритета рабочих и предпринимателя: один предприниматель и тысяча занятых у него рабочих имеют по одному голосу — какое же тут, дескать, равноправие! Ныне — увы! — условия «равноправия» еще несравненно мизернее; тем не менее это «завоевание» признается коренным пунктом хозяйственной демократии.

Конкретная форма этого «равноправного» участия рабочих в управлении хозяйством основывается на законе о фабзавкомах, изданном в 1920 году. Разумеется, реформисты рассматривают и коалиционное правительство, в котором заседают бывшие рабочие, как одну из форм хозяйственной демократии. В качестве таковой же хозяйственной демократии рассматривается и участие профсоюзного аппарата в различных совещательных государственных органах и внедрение большого числа профсоюзных чиновников в хозяйственно-политический аппарат буржуазии. Однако ко всем этим делам рабочие массы совершенно явно никакого касательства не имеют. Зато рабочие избирают себе фабзавкомы.

Фабзавкомы бесспорно играют в настоящее время определенную роль в рабочем движении. Это — прежде всего арена борьбы между реформистами и классово-сознательными пролетариями. Выборы в фабзавкомы имеют поэтому обычно крупное политическое значение. Однако не эта сторона дела приводит в восторг адептов хозяйственной демократии. Напротив, они считают наличие коммунистов в фабзавкомах лишь помехой для их плодотворной деятельности и не останавливаются перед самыми противозаконными методами для расправы

со своими противниками. Так выглядит «демократия» внутри самих фабзавкомов.

Не лучше обстоит дело и при соприкосновении фабзавкомов с внешним миром. Даже защищать законные интересы рабочих и служащих, ограждать их от произвола предпринимателей фабзавкомы могут лишь в очень ограниченных рамках. Прежде всего социал-демократические члены фабзавкомов относятся к этой стороне своих обязанностей более чем прохладно. Если предприниматель позволяет себе противозаконные действия по адресу коммуниста или сочувствующего коммунистам — тогда реформистский фабзавком принципиально не вступается за попрание прав рабочего. Но если пострадавший и не является коммунистом, реформисты в фабзавкоме чрезвычайно редко идут на острый конфликт с предпринимателем, верные как в большом, так и в малом своей предательской тактике соглашения с буржуазией. Наконец, даже по закону предприниматель имеет тысячи способов совершенно произвольно решать судьбу каждого рабочего.

Однако совершенно смехотворный характер носит та сторона деятельности фабзавкомов, которая особенно превозносится апостолами хозяйственной демократии, а именно их так называемое участие в управлении предприятием, в организации хозяйства. По закону фабзавкомы посылают своих представителей в наблюдательные советы акционерных обществ; в этом все их участие в управлении и концентрируется. Послушаем, что говорят представители капиталистов насчет этой стороны фабзавкомовской деятельности.

Ряд предпринимателей высказался по этому вопросу в связи с опросом, проведенным одной из подкомиссий анкетной комиссии германского рейхстага. Вот что сообщил, например, кельнский банкир тайный советник Л. Хаген, состоящий, по его словам, в качестве председателя или члена наблюдательного совета примерно в 60 акционерных обществах: «Участие членов фабзавкомов в наблюдательных советах выражается прежде всего в том, что они берут слово лишь для того, чтобы попытаться чего-либо добиться для себя или для рабочих и служащих вообще. Кроме этого я в течение ряда лет ничего примечательного с их стороны не замечал... Они, однако, не мешают; так что я бы ничего не стал менять в этом отношении».

Некоторые представители предпринимателей прямо заявили, что они придерживаются того мнения, что «влияние представителей фабзавкомов в наблюдательных советах равно нулю». Другой из числа опрошенных, один из директоров Германского банка Шлиттер, заявил про представителей фабзавкомов, что «они не стесняют, за исключением тех случаев, когда речь идет об условиях приглашения директоров и высшего административного персонала». Но в этих случаях, как свидетельствует уже упомянутый Хаген, руководители предприятий легко выходят из затруднения: «Поэтому в ряде случаев перешли к тому, чтобы проводить приглашение путем решения президиума или самого председателя... Дело действительно ведет к ограничению активности членов наблюдательных советов». Еще определеннее высказывается другой представитель предпринимателей, довольно известный д-р Флейхтхайм: «Существует еще ряд важных вопросов..., которые попросту не могут обсуждаться в присутствии членов фабзавкомов.... так что с этих пор заседания наблюдательных советов стали гораздо бледнее и сдержаннее (ärmer. dürker, zurückhaltender)».

Таким образом предприниматели — как и следовало ожидать — имеют в своем распоряжении тысячи возможностей избавиться от всяких следов того куцого «равноправия», которое введено законом о фабзавкомах. И неудивительно, что левый реформист Ляйхтер вынужден, например, сделать следующее любопытное признание: «Сколько-нибудь важные решения и прежде всего решения в об'еме производства не принимаются теперь отдельным предприятием. Правление акционерного общества, которое должно управлять отдельным предприятием, вошедшим в большой картель, представляет собою лишь собрание королей, лишенных трона: решения принимаются верховным руководством треста. Как незначительна однако сила профсоюзов и фабзавкомов как раз в отношении этих коллегий, которые решают важнейшие вопросы отдельных предприятий! Распоряжение судьбами хозяйства ныне действительно сконцентрировано в руках очень немногих самодержавно управляющих вожаков хозяйства, как это Маркс пророчески предсказал в „Коммунистическом Манифесте"».

Вряд ли следует что-либо прибавлять к этим словам. Это признание убийственно для всей идеологии хозяйственной демократии, единственным конкретным пунктом которой является как раз пресловутое участие в руководстве хозяйственной жизнью. Эта легенда разлетается в прах при первом же соприкосновении с капиталистической действительностью. Однако нечего обманывать себя: идеология хозяйственной демократии и организованного капитализма окажется гораздо более живучей: слишком уж серьезен тот «социальный заказ», который эту идеологию вызвал к жизни. Зато она бесследно исчезнет, когда революционный пролетариат железной метлой разделается с реформизмом, не оставляя следа ни от его предательской практики, ни от не менее предательской теории.
